

БЫТЬ РЕБЕНКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ

Татьяна НИКОЛАЕВА

Одиннадцатого мая 2017 года Владимиру Соколаеву исполнилось бы шестьдесят пять лет. Не случилось. Уложился со своими земными делами в шестьдесят четыре. Грамотно уложился, по-человечески честно и аккуратно. Дай бог нам так уходить.

Вспомнила поминальную встречу на девять дней в мастерской Владимира. Были самые близкие в судьбе люди, в том числе и упомянутые им в прощальном анонсе «Кузнецкого рабочего» жены и дети. Круговорот людей в природе – очень сложное явление, но остаться самим собой до конца сможет каждый, если только захочет уйти по совести. Владимир уходил долго и знал, что надо делать, и сделал очень много, не говоря уже о выставках новокузнецкой фотографии, прокатившихся по России в последние два года.

Я возвращаюсь в атмосферу близких в девятидневие по смерти. Это очень важно, потому что еще не абсолютен разрыв, и животочащая память не хочет смириться с тем, что мы больше не увидим этого человека. Вот уже собрался круг на «полянке» посреди мастерской. Никаких тостов. Никакого алкоголя. Просто попросили тишины.

Владимир знал, что на девять дней душа невидимо присутствует с близкими, знали и мы, тем не менее жутковато было услышать его голос, записанный заранее (как с того света – от упокоившегося):

– Вот сейчас вы все собрались...

Речь уже трудновоспринимаема, слышно, как прерывается дыхание, но он очень старается говорить внятно, и последние его слова к нам просты и добры. Включаются его фильмы из «Просторов России», и мы приступаем к трапезе.

Было время, когда Соколаев снимал промышленную симфонию металлургического завода, какофонию «сложносочиненного» социума СССР, людей в их естественной нелепости и красоте, детей на площадках идеологизированного бытия. Тогда, в восьмидесятых, он исколесил на велосипеде весь Новокузнецк и окрестности. Кстати, и Алтай они с Владимиром Воробьевым впервые исколесили на велосипедах тогда же. Позже, в девяностых, его позвали безлюдные пространства Кузнецкого Алатау и Горного Алтая, запечатлевшие в себе стихии мира, следы ушедших времен.

– Что такое уголь? Ты ведь знаешь?

– Древние леса. Здесь была бурная биологическая жизнь...

– Это энергия! Сила. Мы живем на месте сил. Мы ходим ногами по огромнейшей энергии, сохраненной Землей. Понимаешь? И она, Земля, хранитель этой энергии, не простит нам ни одного «косяка». Взыскано будет за все...

Москва – Новокузнецк – ежегодное паломничество Владимира в «место сил». На родину. С 2005 года он оседлал допотопный «уазик» – старого боевого коня, некогда бывшего «Скорой помощью» и прослужившего ему до конца.

...На «полянке» девятидневья уже идет беседа – воспоминания разговорившихся наконец свидетелей неугомонной жизни Владимира. Над смешным смеемся. Ощущение, что он здесь, в кругу. Слушает и улыбается. И я слушаю. Некоторые алтайские истории знаю в его интерпретации. Мы до конца остались друзьями, перестав быть супругами. Разглядываю фотографии на стенах и потихоньку выпадаю из общего настроения. Знаю эти фото наизусть, люблю, восхищаюсь, но сейчас вижу как бы впервые, представляя, сколько терпения, ожиданий, усилий требовалось Владимиру, чтобы обычный пейзаж вдруг взорвался молнией, или захмурил дискообразной тучей со светоносным оком-лучом солнца, или окрасился в несовместимые, казалось бы, цвета. И это все надо было изъездить на колесах и исходить ногами – там, где колесам не пройти. А в горах много где колесам не пройти. А страсть Вовы – горы! Не альпинистское покорение их, а вдыхаемый сердцем дух гор, скрытая мощь гор, их так резко меняющееся «выражение лица».

Даже если когда-нибудь я сподоблюсь побывать в этих местах, навряд ли увижу все то, что созерцаю на фотографиях Владимира! Такие «подарки» надо заслужить, такие явления природы надо не только выждать и поймать, их еще пережить как-то надо, бывало – и без куска хлеба. Вот в чем достоинство всего творческого пути фотографа и оператора Владимира Соколаева. Вот что он имел в виду, когда говорил о необходимости жертвы: только через полное самопожертвование и тотальную самоотдачу можно что-то создать. Он говорил о русской фотографии, но это относится и к культуре вообще.

Кто-то думает, что достаточно приобрести хорошую камеру, выйти на красивый вид, нажать кнопку – и фото готово. Да себе в альбомчик: «Я здесь был»...

– Вот по этому перевалу я проходил десятки раз, – комментирует Владимир свои последние съемки на Алтае, – но открывался он нечасто. Понимаешь? Алтай должен тебя почувствовать, принять, и тогда он может вдруг – оп! – и приоткрыться, причем на минуту. И плоскость превращается в сферу, картинка становится больше, чем вид. Было два измерения, а появляется третье, потом – оп! – четвертое, пятое... Вот, видишь? Все туман затянул прямо на глазах, не успели камеры настроить, а там такая долина! Ну, думаю, кто-то из нас с грузом (так понимаю, с грехом).

Минимум последние десять лет Владимир был незаменимым сталкером в эти места, и не только для фотографов. Чистое состояние сознания, непривязанность

ни к чему за спиной, отсутствие малейшей неприязни друг к другу, незабоченности никакой целью... Это трудно себе представить. Зато легко представить человека в тонусе «деловой колбаски»: у него есть цель, он вышел из пункта А в пункт Б, и по дороге надо хорошенько обдумать, как бы не продешевить... Да такого человека хоть через Атлантиду веди из А в Б – не заметит.

Для фотографии нужно, чтобы ты видел все как будто впервые (или в последний раз) – тогда нет ничего примелькавшегося, тогда, как при вспышке, душа распахивается, вмещающая все, время раскрывается до вечности, и контакт души с пространством приоткрывает глубинные смыслы, не лежащие на поверхности. (Это он имел в виду под четвертым, пятым измерениями?)

Можно сказать, дзен-буддистская установка. А почему бы и нет? Если вспомнить поэзию Басе, ведь она в некотором смысле фотографична: слова запечатлевают конкретные образы и явления, на которые обращает свое сердце поэт.

Кстати, о поэзии. Кто-то думает, что достаточно зарифмовать свои мысли – и ты поэт. Увы. В этом творческом жанре в еще большей степени нужны и состояние, и чистота сознания, и незабоченность целями. Как для пейзажа важно освещение – нюансы взаимодействия светила с поверхностью земли сквозь атмосферу (эмоциональный слой между ними), так для стихотворения очень важно освещение сердцем (внутреннее светило) описываемых реалий сквозь чувственное восприятие самого автора. Дзен-буддизм? Не знаю. Но это очень характерно для поэзии вообще. Троиединство – светило, поверхность и атмосфера между ними – дает живую, а не плоскую картинку. Атмосфера – образ души?..

Это я сейчас так пространно рассуждаю. С Владимиром мы говорили о Басе еще в конце восьмидесятых, когда во сне мне было показано, как японская танка (иероглифы с живой графикой) умирает на глазах, переведенная на русский язык.

Вова тогда сказал:

– У них сознание другое, мы левополушарные, они правополушарные в слове. У них число находится в левом полушарии, а слово в правом. У нас оба в левом...

В своих комментариях к последним алтайским съемкам Владимир очень много рассказывал о «секретах» (именно в кавычках) фотографии и о таинственных местах и явлениях Горного Алтая, который любил, я бы сказала, нежной любовью. И хотя он явно тяготел к эпосному жанру в фотографии последние десять лет, в его рабочем архиве очень много лирики – когда приходилось становиться на колени, ложиться на брюхо, подползать, чтобы заснять кадр. И, будучи человеком очень рациональным, он явно искал объективом иррациональное начало (нашел меня – женой?), не кирпичной кладки проявление, не привычное, не статичное, не ожданное.

Владимир говорит, а я мысленно перевожу его слова в поэтический план. Он ведь говорит о творчестве, а оно аналогично во всех планах от Сотворения.

Смешно вспоминать, но, когда я (будучи уже на сносях), просыпаясь, рассказывала ему свои сны, он глубоко вздыхал:

– Туда бы с фотоаппаратом... Я только сплю без него, потому что снов не вижу.

Вспоминая наши беседы (и давние, и последние), я невольно ищу в его словах о фотографии ответы на мои вопросы о поэзии. И нахожу. Например, возьмем такое понятие, как «мнение». Оно работает в критике: мое мнение – мнение оппонента. Так вот, в творческом процессе это кислота, разъедающая все, что ты делаешь, если делаешь «со своим мнением» или для «мнения о себе». Владимир говорил, что на Алтай ехать с камерой надо, оставив все свои мнения дома на пороге, как засаленные домашние тапки. А там надо идти босиком и быть ребенком человеческим, ежесекундно готовым и удивляться, и учиться. Тогда Алтай приоткрывает свою сокровищницу духа.

То же самое могу сказать о поэзии, которая не терпит ни морали, ни политики, ни обличений, даже если они хорошо зарифмованы. Пишущие «свое мнение» для меня классическая графомания.

Когда я проводила такие параллели, Вова со мной соглашался, но по поводу графомании вдруг добавил:

– Будь мягче с любителями. Есть вещи, которые можно говорить только профессионалам. Любитель – любит то, что он делает. Не бей по этой любви! У него еще будет возможность вырасти в меру.

Вот так! Мы не спорили. Спорить было не о чем. Мы часто говорили «на разных языках», но об одном и том же, идущие в одном направлении. Поэтому желание понять друг друга превозмогло возможность опровержения, особенно последние два года, когда он уже был болен. Не знаю, рождается ли истина в споре (говорят, она даже в вине), но нам взаимно не хотелось выстраивать стенки. Мы просто задавали друг другу вопросы и искренне отвечали, порой и неловко.

К тому, что не стыковалось, не возвращались. Единойзычными были три понятия: любовь, жертва, искренность, ими же поверялось и все остальное. А все остальное – это сама жизнь, такая порой непростая.

Владимир исполнял то, что мог по дару. Он все хотел понять. Ему жалко было терять время на житейские излишества и разборки. Он пришел к какой-то своей гармоничной мере сознания. Для него очень важным было умение работать в команде. Это его Путь, и он его закончил абсолютно сознательно, мало того – миротворчески, собрав вокруг себя людей, которым вроде бы вместе и собираться-то не было повода... Для России сейчас это очень актуально: уметь работать в команде, хранить мир между собой, понимать происходящее, не забывать ключевых понятий любви, ответственности, искренности.

...По завещанию Владимир Соколаев был отпет в Спасо-Преображенском соборе Новокузнецка, кремирован, а прах его развеян над горой Соколухой.

Фото Владимира Соколаева

Фото Владимира Соколаева